

Валерия Кирсанова

ПОСЛЕДНИЕ МЫТАРСТВА

*День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать
Александр Пушкин*

*«Первое, что я узнала о Пушкине,
это — что его убили»
Марина Цветаева.*

Часть 1

Военно-судная комиссия, состоящая из офицеров лейб-гвардии Конного полка Отдельного гвардейского корпуса, под председательством флигель-адъютанта полковника Бреверна, с 3 февраля по 19 февраля (по старому стилю) 1837 г. рассматривала дело о дуэли между иностранным подданным бароном Жоржем Геккерном и камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным.

Судебный приговор «смертная казнь через повешение...надлежало бы назначить, но, как он уже умер, то суждение его за смертью прекратить» был вынесен Александру Сергеевичу посмертно.

Материалы следствия содержали 234 исписанных листа протоколов допросов и документов, свидетельствующих об обстоятельствах и причинах поединка.

Военным судом первой инстанции смертные приговоры были вынесены и остальным участникам поединка. Секундант Дантеса виконт д'Аршиак уехал из России сразу после дуэли, ещё до начала судебного следствия, таким образом избежав неприятностей.

Подполковника Данзаса, который после похорон поэта содержался на гауптвахте, от смертной казни бросились спасать все близкие поэта. Об это просил сам Александр Сергеевич: «Просите за Данзаса, он брат мне». Второй инстанцией военного суда приговор был смягчен до разжалования Константина в рядовые, отобрана золотая сабля, пожалованная за особые боевые заслуги перед Отечеством и другие награды. В итоге секунданта Пушкина продержали два месяца в казематах Петропавловской крепости. Вскоре после освобождения он уехал служить на Кавказ по собственному прошению.

Убийца Пушкина Дантес сурового наказания тоже избежал. Из-за легкого ранения в руку барон во время следствия содержался под домашним арестом, хотя в отношении подполковника Данзаса была избрана мера пресечения в виде содержания на гауптвахте. Судьи вынесли Дантесу суровый по тем временам приговор, но император смягчил наказание: Дантеса всего лишь разжаловали, лишили офицерских патентов и, как подданного другой страны, выслали в сопровождении жандарма за границу.

Упав на лед, солдат скользит по-крабьи
В коллегия военного суда.
Погиб поэт, дописана судьба...
Но и на гробе могут наказывать
«Повесить за дуэль». И под печать.
Неузнанный, свою семью проводишь,
Карет дорожных тронешь карусель,

Скользнешь замерзшим взглядом по подводам -
Как холодно, одет не по погоде,
Согреться места нет...

Грядет апрель,
Однажды он наступит, и поэмы
Вновь расцветут в исписанных листках,
В которых люди, кони, радость, страх -
Искрят вовсю, как стакнутые клеммы.

Часть 2

Малый кабинет царя с огромным закругленным окном, занимавшем почти всю южную сторону, полыхал сине-зеленым огнем, в тон гобелену на стенах, в тон персидскому ковру на полу, в тон глаз рассерженного владельца оно. Яркий румянец на свежем лице императора также выдавал сильнейшее волнение, когда он выговаривал понурившемуся Жуковскому* чистым, поставленным на военных полигонах голосом:

- Ты видишь, что я делаю все, что можно для Пушкина и для семейства его, и на все согласен, но в одном только не могу согласиться с тобой: это в том, чтобы ты написал указы, как о Карамзине. Есть разница: ты видишь, что мы насилу довели его до смерти христианской, а Карамзин умирал, как ангел!

«Насилу довели его до смерти...»
Насильно ухо впитывает ложь,
Последний год, куда не едешь – черти,
Смеются, шепчут, только отойдешь.
До смерти довели позора плети
В агонии петляешь, поворот,
Под темной аркой выдыхаешь с кровью,
До рваных жил, до рвотных спазм, икот,
И только ототрешь дрожащий рот,
А бес уже залез на горбик вдовый,
Рогатый-рогоносец-рогонос,
Доводит до сознания, до смерти,
Глаз точно рыжей плесенью зарос,
Наколотый на пасквильные жерди.

*Жуковский просил, чтобы императорская материальная помощь семье поэта была, как это делалось в 1826 году в отношении Карамзина, объявлена специальным манифестом, т. е. как высочайшее признание государственного значения Пушкина

Часть 3

«Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь: граф И. Борх»

При чём тут злосчастный Нарышкин? Есть причина.

История Дмитрия Львовича Нарышкина, раз в год подносившего императору роскошный фолиант, с просьбой выделить сумму на последующее издание, являлась притчей во языцах. Весь свет был осведомлен, что за издания выпускаются в семье Нарышкиных. Прекрасная его жена Мария родила четверых детей от Александра I. Правда, до совершеннолетия дожила только Софья, но и та угасла перед свадьбой.

Муж не был в обиде - за несколько лет обер-егермейстер сделал прекрасную карьеру при дворе, получил "За усердную службу" правительственные награды и земли в Тамбовской губернии, а также щедрые денежные пожертвования на «издания».

Оскорбление, нанесенное Александру Сергеевичу, содержало множество гадких намеков: на внимание к супруге со стороны императора Николая I, намек на нежные отношения Натальи Николаевны с развратным Жоржем Дантесом и, наконец, попреки его профессиональной деятельности - «...выбрали историографом ордена роноосцев», в то время как опубликованы «История Пугачевского бунта» и «Капитанская дочка»!

Мерзко и мерзко, сжечь и забыть, но этого сделать Пушкину не дали – такие же письма получили его друзья и знакомые: Карамзины, Виельгорские, Сологуб, Хитрово, братья Росsetы, т.е. оно стало публичным. Так был запущен обратный отсчет...

Почаще перечитывать Отелло.

Она не виновата, но платок!

Белеет влажным краем между строк,

В намеках проступает то и дело.

Замученной надежды поплавок

Выпрыгивает на поверхность тела:

«Она могла бы, но не захотела.»

Всего то легкомысленный кивок

На реверансы глупого павлина,

Трясущего развязанным хвостом,

Клюющего повёрнутую спину...

Но древний мавр душил торопливо

Ревнивыми допросами «о нём»,

Терзая целомудрие глумливо.

Часть 4

«...Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните моего сына. ...»

Отчаянное письмо поэта, вслепую отбивающего удары анонимов... Добродушные его друзья, молодая доверчивая жена на время приняли версию старшего Геккерна о любви Дантеса к сестре Натальи Николаевны. Насмешливые уверения в чувствах, унижительная для Гончаровых поспешная свадьба, точно сбывают с рук подпорченную рыбу... Жениться, чтобы протянуть время... Для чего Геккернам нужно было это время??

Рассадник блошек в маленьком посольстве,

Козлиными копытцами стучат

Сатиры на поставленном довольстве –

Усыновленный грех, содомный чад.

Кто любит чад, как любит старый Геккерн?
И там, и тут паук расставил сеть,
«Мой сын влюблён, не дайте умереть,
Отдайте в жены маленькую фрекен».

Румяный Жорж, как хочет целовать
Его отец, куда достанут губы,
От страсти он бывает слишком грубым,
Весь свет готов стащить в свою кровать.

Облезлый бес, стареющая сводня...
Он шёл от оружейника сегодня.

- Да, mon ami, в свете до сих ходит слух о том, что старый содомит Геккерн лично приобрел для Жоржа Дантеса кольчугу, в которой тот и был на дуэли... Его видели перед дуэлью в Архангельске, у оружейника...

- А как не быть слуху? Ведь пуля Пушкина пробила руку противника навывлет, и попала... в волшебную пуговицу, как утверждает барон.

- Но! В показаниях полковник Данзас и виконт д'Аршиак утверждали, что выстрел Пушкина сбил Дантеса с ног. При ударе такой силы пуля скорее всего просто разорвала и вбила бы пуговицу в тело. Ты знаешь наши мундирные пуговицы, mon cher, они делаются из мягких металлов, ногтем можно зазубрину оставить... Но, как известно, других ранений Дантес не получил. Кроме того, загадочная пуговица так и не была представлена суду.

- Волшебная пуговица!

Часть 5

«На площади, заметив жандармский разъезд, я нарочно рассыпал пули за санями, чтобы вызвать подозрения, чтобы нас задержали. Но никто не увидел... Второй раз я испытал надежду, когда на Дворцовой набережной мы встретили в экипаже госпожу Пушкину с детьми (они возвращались с детского праздника, как я узнал потом). Эта встреча могла всё поправить. Но Наталья Николаевна близорука; а Пушкин смотрел в другую сторону...» (из показаний на суде полковника Константина Данзаса)

Хранители, наверное, уснули,
Прикрыв глаза сверкающим крылом.
Иначе не увидится потом:
Рассыпанные под санями пули,
Неузнанные над затёртым льдом,
И что с его женою разминулись...
Как будто чёрт показывал мне дулю:
Случится, не пропустишь нужный срок,
Свою добычу за версты почуя,
Судьба возьмёт обещанный оброк.
Проклятая дуэль на Чёрной речке,
Барьер, который я не пересёк,
Не позванный на поединок лекарь,

И жизнь потом, чтоб мучиться за всё.

Часть 6

Как она смогла это вынести... колеса судьбы... Он так трудно умирал... Неважно, день или ночь, дом наполнен людьми, друзья... Друзья... Только зачем мужу столько раз повторять: «Ты невиновна»? И всё мало. В истории останется – погиб из-за жены, вступился за свою честь. Какая важность, что Натали не давала повода, так останется... Без мужа, с малыми детьми, с таким грузом общественного мнения... А он, знакомый и любимый с детства, теперь уходящий в страшных муках – как это забыть? Нельзя забыть, не имею права. Рассказывать, рассказывать про паучью сеть, которой оплетали их счастье. Высосали, как мух, негодяи. Старый и молодой бесы, распутники, с такими же грязными помощниками... Последний, самый последний день, мы с Натали сидим в соседней зале, вдруг позвали сказать, что меня желает видеть... Вхожу. Лицо белое, как облитое, глаза спокойные, с влажным блеском:

- Не соблаговолите ли Вы, дорогая Екатерина Алексеевна, тотчас поехать в дом к барону, чтобы передать ему моё прощение? Я был бы чрезвычайно Вами утешен.

С тяжелым сердцем собираюсь и еду. Добравшись, попросила людей вызвать к карете Екатерину Николаевну. Та выбежала разряженная, с криком: «Жорж вне опасности!». Что мне за дело до проклятого убийцы? Попросила передать, что Александр Сергеевич прощает ее мужа перед смертью. Кати все же заплакала. Сам же Дантес, когда ему передали о прощении Пушкина, с нахальным смехом отвечал: «Moi aussi je lui pardonne!»* Каков подлец?! А ведь только великодушием Александра Сергеевича спасся от верной гибели – тот запретил мстить за себя, вызывать барона на дуэль повторно.

Прощение... «Moi aussi je lui pardonne!»*

Смеясь в лицо, кричит его убийца...

Вы кое-что не знаете, барон,

Сегодня не прощаются в столице,

И не прощают. Пасквиль, небылица

Пробила пулей русский камертон.

Замолк, уснул на время... Возродится

В других сердцах. Упавшее перо

Поднимут, полетят живые птицы

На север, юг, на запад и восток,

В бессмертие. И наша месть свершится –

Запомните, насмешники, урок -

Российского наследия страницы

Стволами прорастают в нужный срок.

*Я тоже его прощаю! (франц)

Часть 7

Официальный рапорт аудитора 13 класса Маслова с просьбой пригласить Наталью Николаевну Пушкину на суд:

«1-е. Не известно ли ей, какие безымянные письма получил покойный муж, которые вынудили его написать... к Нидерландскому Посланнику Барону Геккерену оскорбительное письмо, послужившее, как по делу видно, причиною» дуэли...

2-е. Какие подсудимый Геккерен, как он сам сознался, писал к Ней письма или записки... где все сии бумаги ныне находятся...

И 3-е. Из письма умершего подсудимого Пушкина видно, что Посланник Барон Геккерен, когда сын его подсудимый Геккерен, по болезни был содержан дома, говорил жене Пушкина, что сын его умирает от любви к ней и шептал возвратить ему его, а после уже свадьбы Геккерена... они, Геккерены... давали повод к усилению поносительного для чести Пушкиных мнения.

Посему я считал бы нужным о поведении Гг. Геккеренов в отношении обращения их с Пушкиной взять от нее такие объяснения. Если Комиссии военного суда неблагоугодно будет истребовать от вдовы Пушкина по вышеуказанным предметам объяснения, то я всепокорнейше прошу, дабы за упущение своей обязанности не подвергнуться мне ответственности, рапорт сей приобщить к делу для видимости высшего начальства».

Всё шито-крыто, всё предрешено

На этом перешитом маскараде:

Завешанное бархатом окно,

Подвесками украшенные девы,

Что смотрят на мужчин излишне смело,

А за окном сугробы намело.

К чужой жене нетрудно подобраться,

Подпрыгнуть блошкой, в ухо дунуть ей:

- Мой сын умрёт без Вас... А может статься,

Что будете Вы чуточку добрей?

Она бледнеет, ближе жметя к мужу

(Как будто мы не знаем, что почём!)

И дергает укутанным плечом:

- Как смеете?! Я не желаю слушать...

Часть 8

Погиб, умер, умер... Кто виноват? А что тут думать – любовники виноваты. Любовники? Да, вот, были слухи... Так может, слухи виноваты? Нееет, слухи как духи, они убить не могут!

НЕ могут?

- Да она его никогда не любила, за славу всероссийскую выскочила!

- По балам семейные деньги проматывала, а он думай, как всех содержать, тут уж не до стихов!

И запись имеется. «Брачная жизнь привила к Пушкину семейные и хозяйственные заботы, особенно же ревность, и отогнала его музу». (Барон М.А. Корф, по материалам его архива). А вот и письмо самого Пушкина к жене (не уничтожила, оставила всем торжествующим сплетникам на века): ««Немножко пожурю тебя: ты совсем искокетничалась. В кокетстве толку мало, и оно почитается дурным тоном. Ты что ж, радуешься, что за тобою, как за сукой, бегают кобели? Легко тебе приучить бегать за собой холостых шаромыжников. К чему тебе принимать ухаживающих за тобою мужчин?»

Виновна! Что с того, что за шесть лет брака Наталья Пушкина родила четверых детей, выкинув пятого? А в перерывах кутила, и проматывала деньги да семейную репутацию!

Ещё какие-то бумажки...

«Адские сети, адские козни были устроены против Пушкина и жены его» (Петр Вяземский, дневники)

«Мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом. Мне очень не хочется беспокоить мужа своими мелкими хозяйственными хлопотами... Для того, чтобы сочинять, голова его должна быть свободна» (из писем Н.Н. Пушкиной к брату)

«Она (Н.Н. Пушкина) осталась чиста и может высоко держать голову, не опуская ее ни перед кем в целом свете. Нет другой женщины, которая повела бы себя так же» (письмо Жоржа Дантеса к Луи Геккерну, 1836 г.)

«Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием, невзирая на то, что искренне любила своего мужа до такой степени, что даже была очень ревнива» (Н. М. Смирнов, муж А. О. Смирновой-Россет, 1836 г.).

Значит, Натали любила мужа до ревности, старалась справиться с непосильными для столь молодой особы хозяйственными хлопотами сама, чтобы поэт мог творить?

Как тут не вспомнить анекдотичный случай 1834 года, о котором поэт с удовольствием рассказывал друзьям: заметив ухаживания мужа за светской красавицей баронессой Амалией Крюденер, Наталья Николаевна покинула бал в одиночестве. Пушкин не сразу заметил её отсутствие, и вскоре поспешил домой, где... «У моей мадонны рука тяжеленька,» - посмеиваясь, заканчивал он.

Что ж, дальше будет не до смеха обоим... «Пушкин и его жена попали в гнусную западню, их погубили». (князь Петр Вяземский, дневники)

Петру Вяземскому вторит его жена, вспоминая день смерти поэта: «Бесчувственную, ее уложили в постель; в ее широко раскрытых глазах, казалось, погас всякий признак жизни. Конвульсии гибкого стана Натальи Николаевны были таковы, что ноги доходили до головы».

Как хорошо теперь же умереть,
За мужниной спиной по жизни вечной,
Но рвётся плоть, а дальше мне увечной
Придётся возвращаться в эту клеть,
Где будут бить исподтишка, наотмашь,
Булжниками самых страшных слов,
И кости мыть, вгрызаясь в сам остов,
Пока не отупеешь, не оглохнешь.
Для них не изменился новый день,
Всё также солнце катится с востока,
За изгородью пёстрые сороки
Венок поминный сбили набекрень.
Букет засохший, череп, частокол...
Мучений новых гибельный укол.

Часть 9

Допустим, жена невиновна, о чём твердил сам Пушкин до самого последнего вдоха.

Кого ещё винили во всех домах России? Некую общественную группировку, которую объединяло одно вышедшее ныне из обихода слово – «бугорство» или «buggety».

Понятие это применялось в образованных кругах на французском языке, ведь для аристократии Российской империи французский был вторым языком, а иногда первым и

единственным. Впоследствии слово всё-таки «обрусело», и появилось жаргонное «бугор», по своему значению оно являлось синонимом активного содомита.

Итак, тесный кружок содомитов, что им могло понадобиться от совершенно гетеросексуального поэта?

Дело в том, что Александр Сергеевич совершенно не стеснялся в выражениях, и своими едкими эпиграммами часто бил не в бровь, а в глаз: «В Академии наук/Заседает князь Дундук...» В нескольких строчках, написанных в 1935 году, поэт обрисовал историю назначения на должность князя Дондукова-Корсакова, любовника министра просвещения Уварова. Эпиграмма распространилась со скоростью лесного пожара.

У старого Геккерна была своя игра со другими политическими интересами, в которой великий поэт, с жаром описывающий национальную историю, был совершенно лишним, не такую Россию хотелось бы презентовать Европе зарубежным противникам.

Зато для обливания Российской империи грязью замечательно подходил маленький хромой очкарик, князь Петр Владимирович Долгоруков (который этой задачей прекрасно справился чуть позже). Сей аристократический повеса - богатый, дерзкий, испорченный до невозможности, был вместе со своим визави князем Иваном Гагариным частым гостем на закрытых вечеринках «для своих» в доме посланника Геккерна. Также, как и Уваров со злополучным Дундуком.

То, что пасквиль про рогносца писался людьми умными и порочными, никто не оспаривает, а вот экспертиза двадцатого века не подтвердила руку князя Петра, хотя именно ему приписывалось авторство гадкого письма в те годы. Думается, это так себе доказательство невиновности в доме, где есть грамотные слуги-иностранцы (а французский язык был международным). Достаточно было просто продиктовать послание.

Красивое муштрованное тело,
Пригодное для воинских утех,
Участвовало в тайне не для всех,
А лишь для тех, кто сами захотели
Попробовать солёный римский грех.
Но есть ли до бугров поэту дело?

В архивах, словно в сказочном лесу,
Непознанные тени оживают,
Сомнения через века несут,
Так много, что рука не успевает
Записывать их тихий разговор.
За спинами подходишь осторожно,
Не глядя, переступишь тот порожек,
Где стол накрыт, и ждёт тебя прибор...

Часть 10

Среди слухов, заполонивших читающую Россию, были и такие, что поэт сам искал смерти. «Месьё Пушкину просто надоело жить, и он избрал для перехода в мир иной руку моего несчастного Жоржа», - заявил на суде Луи Геккерн.

Так ли? Видел ли Пушкин в смерти освобождение от долгов, клеветы, непонимания?...

«Тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии» (письмо А.С. Пушкина П. А. Вяземскому на гибель Байрона от лихорадки в лагере греческих повстанцев, 1825 г).

А вот его впечатления от встреченной по дороге арбы с телом зарезанного Грибоедова: «Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна» («Путешествие в Арзрум»).

Итак, прекрасная смерть, которая есть высокий предмет для поэзии...

Запомним и идём дальше.

Слова Пушкина: «J'ai la malheur d'être un homme publique et vous savez que s'est pire que d'être une femme publique» (Я имею несчастье быть общественным человеком, а это хуже, чем быть публичной женщиной), доказывают, что поэт воспринимал своё творчество как служение обществу, а служение – это жертва, внутренняя готовность принять наказания или смерть за своё дело.

К смерти Александр Сергеевич относился как солдат, смело идущий навстречу неизбежному - если надо, то надо. И если это так, то не возникает ощущение оторванного конца книги, которую мы не дочитали исключительно из-за злодея Дантеса, потому что где есть Промысел, там есть высшая логика.

Очевидно, в вертикали гениальный российский поэт развился больше, чем в горизонтали...

Я думал, новый день и правда нов,
Стеклянный шарик по желанью выдул,
Удача рядом, стоит только кликнуть,
Ушедшее закрыто на засов
Рукою смерти. Нет, открыта дверца –
Оставь одежды, проходи вперёд,
Зови народ, злодеев, царский род,
Зайди в пределы прежних иноверцев,
Расскажут всё – ты только унеси.
Ну, а не сможешь, Господи прости,
Сказать успеешь, прежде чем укажут,
На надпись «Входа нет» и черепа,
На вышедшую ниоткуда стражу,
Похожую на странного орла.

Глава 11

История с телом поэта достойна отдельного рассказа. Дико, страшно, невероятно...

Накануне похорон: «Сегодня был у министра. Он очень занят укрощением громких воплей по случаю смерти Пушкина. Он, между прочим, недоволен пышной похвалой, напечатанной в “Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”». Итак, Уваров и мертвому Пушкину не может простить “Выздоровления Лукулла”. Сию минуту получил предписание председателя цензурного комитета не позволять ничего печатать о Пушкине, не представив сначала статьи ему или министру» (А. В. Никитенко, историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета).

Вместо назначенного для отпевания в Исаакиевском соборе, в приходе которого жил Пушкин, и где, как было объявлено заранее, его должны были отпевать, его тело тайно, ночью, перенесли в Конюшенную церковь, без факелов, в полной темноте! Но и здесь в покое не оставили — после отпевания вынесли гроб в подвал на другой двор. Там он и стоял двое суток до отправки из Петербурга в Святогорский монастырь. Почему??

«Это были действительно народные похороны. Всё, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, -- всё стеклось к церкви, где отпевали поэта... В университете получено

строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему. Попечитель мне сказал, что студентам лучше не быть на похоронах: они могли бы собраться в корпорации, нести гроб Пушкина -- могли бы “пересолить”, как он выразился.

Греч получил строгий выговор от Бенкендорфа за слова, напечатанные в “Северной пчеле”: “Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-летние заслуги его на поприще словесности”. И все это делалось среди всеобщего участия к умершему, среди всеобщего глубокого сожаления. Боялись -- но чего?» (дневник А.В. Никитенко)

Похоронить себя поэт завещал в Святогорском монастыре, рядом с родителями. Сопровождать тело к месту погребения высочайшим повелением назначили А. И. Тургенева, историка и литератора, который знал Пушкина с детства. Вывозили снова ночью, в сопровождении жандармов. Как преступника!

О том, как везли Пушкина к месту похорон, читаем в дневнике того же А. В. Никитенко: «Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи — как собаку».

Известно, что Тургенев по дороге в монастырь заезжал в два места, гроб в это время оставляли на станциях, под присмотром верного Никиты Козлова, дядьки Александра Сергеевича, который был при нём всё детство, на руках принёс из саней умирающего поэта после дуэли...

И опять гоголевской чертовщиной веет от записей в дневнике Тургенева: «За нами прискакал и гроб... Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь».

Предать тело земле не удалось из-за сильного мороза, его просто забросали снегом до весны...

В рогоже и соломе, как собака,
Само доскачет, только дайте срок,
Разбившийся на бусы позвонок,
Упасть на освященный лёд, на паперть,
В покой не пустят даже под землёй.
Какой-то Пушкин...

Всенародный Пушкин,
Словесной реформации герой,
Знакомый самой маленькой девчужке,
Лежит под снегом искрой под золой.
Откроешь книгу, так навстречу пыхнет,
Что обожжёшь ресницы, дочитав,
Восстаний обезумевшее лихо,
Гринев несётся к Маше между глав,
Огнём пылает передел держав.

Часть 12

Почему боялись Пушкина даже после смерти?

В те времена люди знали цену художественного слова.

Понимали, кто такой Александр Сергеевич и какое место в истории займут его враги. Гоголевский городничий (кстати, сюжет Ревизора подарен Пушкиным, который буквально уговорил Николая Михайловича писать пьесу) ясно обозначил все подобные страхи: «Найдется шелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит».

Сам Гоголь в момент получения вести о смерти Пушкина сказал одно: «Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждения моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... Я не в силах продолжать его...»

Владимир Фёдорович Одоевский: «Солнце русской поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!».

Михаил Юрьевич Лермонтов написал гневное стихотворение «Убит поэт! - невольник чести», которое не было напечатано при его жизни, но в рукописных списках его быстро узнала вся читающая Россия.

Все усилия врагов оказались напрасны. Ни славу Пушкина, ни распространение его стихов нельзя было остановить - ни цензурой, ни замалчиванием, ни жандармами, как невозможно остановить восход солнца.

Как много позже скажет другой крупный поэт России А. А. Ахматова: «Он (Пушкин) победил и время, и пространство».

Написано, в начале было Слово,
Младенца крик и наш последний стон,
Пусть будет с вечным словом в унисон,
Торжественным, незыблемым остовом,
Тем, что творит пространство, тьму и свет,
Таков и ты в служении, поэт.
Ты – голос, горло, горняя труба,
Исторгнувшая сладостные звуки,
О том, что смерти нет, но есть разлука,
Которая не длится на века.
Нет смерти – только жизнь! Об этом пой,
Роняй стихи в раю под виноградом.
Как соловей, незнающий преграды,
Пой, Пушкин, - неубитый, вечный, мой.

Поступила в редакцию 26.12.2022